

УДК: 94.47

Заготовки продовольствия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны

Максим Викторович Оськин,

кандидат исторических наук, доцент кафедры
общих гуманитарных и социально-правовых дис-
циплин Института законовещения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации, Тула.
E-mail: maxozv@yandex.ru

Статья посвящена продовольственным закупкам в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке для снабжения фронта в период Первой мировой войны. Привлечение окраин Российской империи к снабжению фронта составило одну из основных задач правительства, столкнувшегося с нехваткой некоторых продовольственных ресурсов для армейских заготовок. В данных регионах Министерство земледелия прежде всего закупало мясо и рыбу. В Европейской России хлеба было достаточно, но снабжение армии мясом стало существенной проблемой. «Мясной кризис» начал усиливаться с 1915 г., в 1916 г. стал сокращаться мясной паёк. Нехватка мяса вынудила увеличить долю рыбной продукции в закупках продовольствия на Дальнем Востоке. Кета и горбуша должны были занять значительное место в армейском рационе. Заготовка рыбы для фронта активно велась с 1916 г., к ней привлекались как рыбопромышленники и рыболовецкие фирмы, так и частные лица. Для транспортировки и хранения Министерство земледелия организовало строительство специальных складов и производство вагонов-ледников, однако вывоз заготовленного продовольствия оказался ограничен пропускной способностью Транссибирской магистрали и нехваткой вагонов, что в значительной степени было связано с первоочерёдным отправлением из Владивостока военных грузов, закупаемых за границей. В 1917 г. революционные события в России привели к углублению общенационального кризиса, что сделало неактуальной проблемой обеспечение снабжения фронта дальневосточной рыбой.

Ключевые слова: Министерство земледелия, мясной паёк, снабжение армии, камчатские рыбные промыслы.

Harvesting of food in Eastern Siberia and the Far East during the First World War.

Maxim Os'kin, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association, Tula, Russia. E-mail: maxozv@yandex.ru.

The article is devoted to food procurements in Eastern Siberia and the Far East for the supply of the front during the First World War. Involvement of the outskirts

of the Russian Empire into the supply of the front was a primary objective of the government which had encountered the lack of availability of food resources for army provision. The Ministry of Agriculture purchased meat and fish above all in these regions. European Russia had enough bread, but meat supply for the army was a substantial problem. "The meat crisis" started to grow from 1915, the meat unit started to decrease in 1916. Meat shortage forced to increase the share of fish products in food procurement in the Far East. Chum salmon and pink salmon were supposed to hold a significant place in the army ration. The fish purchase for the front was organized from 1916; both fishery managers, fishing companies, and individuals got involved. The Ministry of Agriculture organized the building of special stocks and production of refrigerator vans for shipment and storage, but the stored food export turned out to be restricted by the capacity of the Trans-Siberian Railway and shortage of cars which was considerably connected with the priority dispatch of overseas military cargo from Vladivostok. In 1917, the revolutionary events in Russia led to aggravation of the national crisis that made the problem of supply support of the front with Far Eastern fish irrelevant.

Keywords: Ministry of Agriculture, meat unit, supply of the army, Kamchatka fishery.

Первая мировая война предполагалась относительно скоротечной. Генеральные штабы и военные ведомства великих держав Европы планировали закончить назревавший военный конфликт максимум за полгода, рассчитывая, конечно, каждый на свою победу. В Российской империи, как и в Германии и Франции, военное ведомство делало ставку на быструю победу, будучи уверенным в двух основных, как казалось тогда, козырях России — людских ресурсах и продовольственных возможностях, представлявшихся неисчерпаемыми.

Одним из наиболее калорийных продуктов в солдатском пайке являлась мясная дача. По мере затягивания войны, перед российским военно-политическим руководством встала проблема обеспечения фронта продовольствием вообще и оказавшимся в наибольшем дефиците продуктом — мясом — в частности. Помимо того, с постепенным исчерпанием продуктов животноводства продовольственные органы переходят к наполнению солдатского пайка продуктами, заменяющими мясо, яйцам, бобовым, рыбе.

Цель данной статьи заключается в исследовании малоизученного вопроса об участии районов Сибири и Дальнего Востока в интендантских заготовках для снабжения армии. Показ причин, хода и результатов привлечения продовольственных ресурсов отдалённых регионов страны, а также проведение анализа продовольственной политики периода Первой мировой войны в отношении «окраин империи» составляют задачи работы.

Исходя из соображений быстрой победы, вскоре после открытия военных действий в России было решено увеличить мясную пайковую дачу

в вооружённых силах. Во-первых, война предполагалась недолгой, на чужой территории, поэтому об экономии пока не думали. Во-вторых, в Российской империи с началом войны был введён сухой закон, действие которого распространялось и на фронт. Таким образом, если враг получал свою порцию винного довольствия, то русский солдат — нет. Ещё в 1908 г. три чарки в неделю были заменены «чайными деньгами», то есть суммами, выдаваемыми солдатам на улучшение питания «к чаю». Соответственно, дабы поднять уровень калорий для бойца, 25 августа 1914 г. солдатский мясной паёк повысили с предвоенного фунта (410 г) до полутора фунтов (615 г).

По мере затягивания войны, русское военно-политическое руководство постепенно приходит к пониманию фактора экономичности усилий государства в переживаемый период. Поэтому с весны 1915 г. Главноуполномоченный по заготовке продовольствия для армии (им являлся министр земледелия А.В. Кривошеин — именно его ведомству было поручено сложнейшее дело продовольствования фронта и тыла) начинает поиск дополнительных источников мясных ресурсов. В докладе военному министру ген. В.А. Сухомлинову от 21 мая 1915 г. главный полевой интендант ген. Д.С. Шуваев жаловался, что Кривошеин не может предоставить фронту требуемые 7 тыс. голов ежедневно, давая лишь 900 голов, и требовал введения военно-продовольственной повинности внутри страны [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1411. Л. 22—22 об.]. Шуваев сообщил фронтам, что в данный момент увеличивается поступление мяса из Сибири. Однако уже летом пришлось сократить мясной паёк до 3/4 фунта — 307 г.

В свою очередь, А.В. Кривошеин 11 июня 1915 г. докладывал председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину, что Министерство земледелия действительно не может в полной мере снабжать армию мясом. Причины: «истощение запасов убойного скота вследствие усилившегося потребления мяса как армией, так и населением», «почти полное прекращение подвоза скота из Сибири вследствие недостаточной провозоспособности Сибирской железной дороги». По мнению Кривошеина, требовалось немедленно изыскать новые источники, и таким «весьма обильным источником является соседняя с нами Монголия, имеющая громадные запасы рогатого скота и баранов, которые, при надлежащей организации, могут быть приобретены на местах и гоном доставлены к линии сибирской железной дороги, а по ней в замороженном виде перевезены в действующие армии» [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1411. Л. 92]. Результатом данных подготовительных мероприятий стала организация службы «Монголэкс» — Особой Экспедиции по закупке мяса в Монголии, под руководством выдающегося путешественника полковника П.К. Козлова. С июля 1915 г. по 1 января 1916 г. Экспедиция заготовила до 600 тыс. п. говядины и баранины; в 1916 г. — свыше 1 млн п. [РГАФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1527. Л. 1].

Сибирь занимала первое место в России по количеству скота на душу населения, что позволяло вывозить мясо в европейскую часть. Так, в 1917 г.

в Европейской России на 100 крестьян приходилось 17 коров, а в Сибири — 38 [1, с. 91]. Но это касалось Западной Сибири (Томской и Тобольской губерний), а вот Юго-Западная часть Забайкалья, Иркутская губерния, Приамурье не были в полной мере обеспечены собственным скотом. Именно сюда ещё до войны шли поставки монгольского скота, для заготовки которого теперь создавалась специальная закупочная организация.

Дело заготовки скота для армии чрезвычайно осложнялось тем обстоятельством, что доставка скота в Центральную Россию и на фронт напрямую зависела от возможностей транспорта, и без того перегруженного стратегическими грузами, идущими сквозь всю Сибирь из Владивостока. Ведь кроме вооружения и необходимых материалов, завозимых из США и Японии, во Владивосток и Хабаровск поставлялись продукты (особенно рис) из Китая и Кореи. Да и сам Дальний Восток не забывал о продовольствовании армии: только в 1915 г. и только один Приамурский край дал армии миллион пудов рыбы. Однако в 1914—1915 гг. интендантство принимало в лучшем случае 1/4 рыбы, приходившей во Владивосток, остальное шло на рынок, а частью — в Китай и Японию. И лишь в 1916 г. дальневосточная рыба практически целиком пошла в вооружённые силы [РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 38. Л. 1].

Министерство земледелия отмечало, что «Россия не только потребляет всю ловимую в её пределах рыбу, но и нуждается в привозе последней извне» [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 525. Л. 36]. В последнем предвоенном 1913 году вывоз рыбы составил 1,5 млн п. при ввозе в 22,3 млн п. Тогда потребление рыбопродуктов на душу населения составило лишь 6,7 кг в год (в сравнении с 29 кг потребления мяса) [5, с. 291], причём в Россию ввозилось свыше 20 млн п. сельди и трески в год.

Желая эффективнее использовать рыбные ресурсы страны, 24 мая 1915 г. Военный Совет вынес положение о всемерной замене говядины (поставляемой фронту) в тыловых частях другими видами мяса и рыбой. Тем не менее, даже в Сибири говядины было больше, нежели рыбы. Например, телеграмма в Главное Интендантское Управление из Новониколаевска (ныне — Новосибирск) от 14 июля 1915 г. от командира 23-го Сибирского стрелкового запасного батальона полковника фон дер Фляса: «продолжаю давать нижним чинам исключительно говядину. Цены на баранину, свинину и рыбу значительно выше цен на говядину, причём рыбу можно достать только солёную». То же докладывали из Хабаровска, Владивостока, Красноярска, Иркутска и других сибирских и дальневосточных городов [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1439. Л. 1, 3, 9, 13, 14 и др.]. Таким образом, и у Сибири отсутствовала возможность выполнить эти распоряжения. Максимум, на что могли пойти военные власти, — 2 раза в неделю давать рыбу, но не баранину и свинину, ибо они были дороже. Войска отказывались от солёной рыбы ещё и потому, что её употребление вызывало повышенную жажду у людей, что увеличивало расход кипятка и чая, и без того массово употребляемых.

Ещё осенью 1914 г. по распоряжению военно-окружного начальства Приамурский военный округ заготовил около 500 тыс. п. солёной кеты, которая была выслана в базисные магазины фронтов. В 1915 г. Главный полевой интендант ген. Д.С. Шуваев запросил приамурского генерал-губернатора и сахалинского губернатора о возможности поставок рыбы и получил ответ, что кету летнего улова заготавливать невыгодно, а осенний улов определится в начале сентября. Тогда 31 июля Шуваев попросил закупить ещё 1 млн п. кеты. Так как свободная продажа отсутствовала, заготовка производилась при посредничестве Николаевского-на-Амуре военно-промышленного комитета по цене 2,50 руб. за пуд. В начале сентября Шуваев вошёл в Особое Совещание по продовольственному делу и представил доклад о необходимости заготовить 1 млн п. солёной кеты на Дальнем Востоке. 30 сентября Особое Совещание одобрило «предположение о реквизиции в Приамурье 1 млн п. кеты осеннего улова для нужд армии и о предоставлении рыбакам вагонов для вывоза рыбы из Владивостока и Николаевска-на-Амуре» [РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 57. Л. 6 об.].

С весны 1916 г. требования на рыбу вновь усилились, разрешена была поставка сельди, а заготовка сушёной рыбы — воблы в Астрахани, леща и воблы в районе Аральского моря — стала принимать крупные размеры [РГВИА. Ф. 2072. Оп. 1. Д. 147. Л. 84, 87]. В новом году в ведение Министерства земледелия перешла и заготовка дальневосточной кеты — в марте 1916 г. ГИНТУ запросило приамурского генерал-губернатора, являвшегося уполномоченным Особого Совещания по продовольственному делу, заготовить для армии 1,5 млн п. солёной кеты по цене 3,35 руб. за пуд [РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 7. Л. 603].

3 августа 1916 г. главноуполномоченный Министерства земледелия Г.В. Глинка установил твёрдые цены на солёную кету и горбушу улова 1916 г. до 1 июня 1917 г.: 3,35 руб. за пуд солёной кеты с посудой франко-Владивосток; 3,40 для солёной кеты в Николаевске-на-Амуре и 1,68 здесь же для солёной горбуши. В свою очередь, телеграмма управляющего канцелярией Особого Совещания по продовольственному делу Н.А. Мельникова хабаровскому генерал-губернатору 3 августа 1916 г. предписывала реквизировать рыбу у владельцев в случае отказа в продаже [ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 23. Л. 31].

Такая реквизиция осложнялась слабым уловом. Например, в сентябре 1916 г. из Хабаровска просили 138 тыс. руб. на закупку хлеба для «пострадавшего от недолова рыбы населения Николаевского на Амуре района» [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 11. Д. 36. Л. 43], так как на существенной части Дальнего Востока хлеб был привозной, из китайской Маньчжурии. Союз приамурских кооперативов, при поддержке Биржевого комитета, покупал зерно в Гиринской, Хэйлудзянской и Цицикарской провинциях [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 22. Л. 53—57]. Следовательно, приобретение рыбы для армии на Дальнем Востоке должно было компенсироваться хлебом для местного населения. Телеграмма нового министра земледелия

графа В.А. Бобринского маньчжурскому уполномоченному Д.И. Золотову от 20 октября 1916 г. поручала «производить заготовку крупы гречневой и пшённой в районе Маньчжурии, где, согласно принятого съездом уполномоченных распределения, необходимо заготовить гречневой крупы 500 тыс. пуд. Ввиду большой потребности в крупах придаю особое важное значение возлагаемому на Вас поручению и прошу приложить все усилия к скорейшему и успешнейшему выполнению его». Одновременно Бобринский просил хабаровского генерал-губернатора и начальника КВЖД ген. Д.Л. Хорвата оказывать Золотову всяческое содействие. В конце октября Золотов сообщал, что в связи с русскими закупками китайского хлеба цены в Маньчжурии поднимаются и потому необходимы новые кредиты. Помимо того, «хранение зерна на месте закупки возможно без больших затрат только до апреля. Свободных пакгаузов по линии нет, закупка была бы крайне облегчена незамедлительной подачей вагонов» [РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 229. Л. 1—3, 10—11, 30]. К середине февраля 1917 г. Золотов закупил в Маньчжурии 200 тыс. п. овса, 450 тыс. п. ячменя, 469 тыс. п. пшеницы, 385 тыс. п. пшеничной муки, 314 тыс. п. гречихи и 491 тыс. п. проса [ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 37. Л. 190]. Этот хлеб должен был послужить ресурсом для снабжения регионов на восток от Иркутска, и лишь возможный остаток мог быть отправлен на фронт.

Помимо Золотова, в начале января 1917 г. уполномоченному по Акмолинской области А.В. Цеклинскому поручили закупить для Иркутской губернии и Забайкальской области в Маньчжурии до 4 млн п. пшеницы по цене не выше 1,60. Также журналом от 12 января 1917 г. Военный Совет положил произвести покупку 2 млн п. зерна в Маньчжурии распоряжением Приамурского окружного интенданта при содействии уполномоченного Министерства земледелия в Маньчжурии для снабжения Приамурского военного округа. Другой вопрос, что самостоятельная скупка подразделениями Иркутского военного округа китайского хлеба поднимала цены, и без того повышавшиеся вследствие японской конкуренции в Маньчжурии [РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 229. Л. 63—66, 72, 82].

Одной из проблем снабжения стали как вывоз закупаемого продовольствия в Европейскую Россию и далее на фронт, так и перемещение продуктов между Сибирью и Дальним Востоком. Чтобы частично увеличить железнодорожные мощности, Министерство путей сообщения заказало в США паровозы, вагоны и рельсы. Дело в том, что часть железнодорожного транспорта по разным причинам не возвращалась с запада страны, а Владивосток был забит военно-стратегическими грузами и продовольствием. Так что более 13 тыс. американских вагонов стали существенным подспорьем в дальневосточных перевозках, увеличив объём грузов, доставленных на запад в 1916 г., на 62% по сравнению с предыдущим годом. Свою роль сыграла и слабость железнодорожной сети, хотя для увеличения пропускной способности и поступления транзитных грузов из Сибири и Дальнего Востока делали всё возможное.

По сведениям Земгора, к январю 1917 г. во Владивостоке скопилось до 30 млн п. различных грузов. Суточная норма вагонов для их нормального вывоза должна была составлять 150 штук, но в декабре подавали всего 1—10 вагонов, а в некоторые дни они и вовсе отсутствовали. Причина — всё то же невозвращение вагонов во Владивосток после их отправки с грузами: «Забайкальская дорога должна Восточно-Китайской до 8 тыс. вагонов. Ввиду полного отсутствия запаса крытых вагонов Управлением Китайской дороги сделано распоряжение прекратить на всех станциях погрузку грузов в крытые конвенционные вагоны по адресу за станцию Маньчжурия, разрешив погрузку лишь в американские вагоны, но их нет, так как они обратно возвращаются в единицах. При создавшемся положении вывоз грузов из Владивостока, даже боевого значения, совершенно прекращён». Надо доставлять вагоны порожняком маршрутными поездами. Государственная дума даже сделала официальное заявление о неиспользовании 65% подвижного состава [ГАТО. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 6. Л. 9]. Действительно, грузы из США поступали в основном на русский Дальний Восток, откуда их не могли своевременно вывезти. Так, склады Владивостокской таможни к началу 1916 г. имели невывезенных грузов в объёме около 3 млн п., к августу эта цифра увеличилась до 8 млн, а к февралю 1917 г. во Владивостоке находился 21 млн п. невывезенных и ожидающих своей разгрузки и отправки грузов. При этом продовольствие, помимо таможни, располагалось ещё и на складах других ведомств. Ясно, что если железные дороги не могли вывезти в Европейскую Россию заготовленное и «Монголэксом», и сибирскими уполномоченными мясо, то владивостокские грузы тем более не могли продвинуться далее Иркутска.

Доставка сибирского и монгольского мяса на запад империи была возможна либо в холодное время года, либо в специальных вагонах, так как объёмы поставки солонины не могли быть чрезмерно велики — солдатам требовалось мясо, пусть и охлаждённое. Поэтому в 1915 г. Главное Интендантское управление наметило обширные мероприятия на 1916 г. для организации снабжения армии замороженным и охлаждённым мясом, на что из военного фонда было получено 6,75 млн руб. Предполагаемые мероприятия: «а). приспособить существующие казённые холодильники; б). построить бойни при имеющихся холодильниках; в). приспособить существующие частные холодильники; г). сделать при четырёх холодильных машинах существующих складов ледогенераторы; д). устроить 10 промежуточных ледоделательных заводов; е). приспособить 200 мясных вагонов-ледников для перевозки охлаждённого мяса; ж). соорудить четыре новых холодильника и построить четыре бойни при них» [4, с. 17].

4 января 1916 г. министр путей сообщения А.Ф. Трепов распорядился приступить к возведению на железных дорогах убойно-холодильных пунктов. Для технической разработки проекта, смет и общего руководства строительством создаётся специальный орган под наименованием «Хладобойня». Оборудованием холодильников для мяса, поступаемого

из Сибири и других тыловых округов, по выбору министра земледелия А.Н. Наумова, руководил глава Московско-Казанской железной дороги Н.К. фон Мекк. Всего строилось 16 деревянных боен-холодильников, и ещё 7 — только для хранения мяса; за несколько месяцев Мекк оборудовал около 20 холодильников на узловых железнодорожных станциях. Сменивший Кривошеина новый министр земледелия впоследствии с удовлетворением вспоминал: «Выбор мой оказался правильным. Благодаря этому выдающемуся дельцу, мясное продовольственное дело, поскольку оно связано было с перевозкой, быстро было коренным образом упорядочено» [3, с. 404—405]. Также к началу 1917 г. насчитывалось около 2,5 тыс. вагонов-ледников, но минимальная потребность в них исчислялась 66 тыс. единиц. Заказы на строительство вагонов-ледников были переданы железным дорогам (835 штук) и вагоностроительным заводам (1165 штук).

В итоге в 1915 г. из Сибири вывезли 81,3 млн п. хлеба и 3,7 млн п. мяса; в 1916 г. соответственно — 53,6 млн п. и 5,13 млн п.; за 1915—1917 гг. из Сибири отправили 174,1 млн п. хлеба. Крупнейшим за Уралом магазином являлся Новониколаевск, там располагалось 800 тыс. п. муки и 500 тыс. п. овса [6, с. 43]. Сибирь была богата и отчуждаемым для армии скотом, которого с 1916 г. стало не хватать в Европейской части страны. Но главным способом мясной экономии стало снижение солдатского пайка на фронте до 1/2 фунта — 205 г с 7 апреля 1916 г. и до конца войны, что и вызвало необходимость заготовок рыбы на Дальнем Востоке, транзит через который являлся чрезвычайно напряжённым из-за военных грузов, приходивших во Владивосток. Примечательно, что часть дальневосточной рыбы приобреталась в Китае и Монголии, где, по расчётам владивостокских купцов, можно было купить 500—550 тыс. п. свежемороженой рыбы, в том числе в Китае — до 200 тыс. п. Китайская рыба концентрировалась для продажи в Харбине и Цицикаре, а монгольская — на станциях Джалай-Нор и Маньчжурия. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, который должен был контролировать закупку рыбы для армии в качестве уполномоченного Особого Совещания по продовольственному делу, 25 сентября 1916 г. телеграфировал министру земледелия, что улов в крае небольшой, а между тем «благодаря мясопустным дням появился громадный спрос на местную амурскую, камчатскую и сахалинскую рыбу, за которой наехало сотни покупателей из разных мест Европейской России и Сибири». Главной проблемой стало то обстоятельство, что, соблазненные высокими ценами, рыбаки продавали рыбу, предназначенную и для своего собственного питания, чем не давали местному населению сделать обычные запасы [РГИА. Ф. 455. Оп. 4. Д. 38. Л. 11—12, 69—71, 93 об.].

Ситуация с поставками сосредоточенного в Сибири скота и заготавливаемой на Дальнем Востоке рыбы резко ухудшилась осенью 1916 г., причиной чего являлось падение транспортных мощностей, а затем и холодная зима 1917 г. Транспортные затруднения ставили русское коман-

дование перед неразрешимыми проблемами. Подача скота из отдалённых регионов Российской империи была невозможна: не хватало вагонного парка и паровозных мощностей. Практика реквизиций угрожала голодом, а ближний тыл Европейской России в данный момент не мог дать фронту и необходимого минимума. 16 декабря на Совещании в Ставке и.д. Начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. В.И. Гурко заявил, что армии, кроме частей, расположенных на Кавказе, в день требуется 146 тыс. п. мясных продуктов, причём их «желательно подавать армиям, по крайней мере, на 80% в виде замороженного и охлаждённого мяса или в виде солонины и копчёного мяса, так как перегрузка железных дорог перевозкой живого скота совершенно недопустима». В ответ Н.А. Мельников заявил, что «без ущерба для сельского хозяйства можно давать в день только 100 тыс. пудов мяса, так как доставка скота из Сибири по природным факторам пока невозможна. Недостаток можно восполнить рыбой. Из этого мяса, как минимум, четверть будет подаваться в живом виде». Далее Мельников отметил: на откормочных пунктах Министерства земледелия сейчас — до 30 тыс. голов скота, «а в отношении свиней установлена особая премия за каждый лишний пуд сверх 3 пудов до 11» [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 386. Л. 15—16].

Следовательно, зимой 1917 г. Особое Совещание по продовольствию устами одного из своих высших руководителей призналось, что требования фронта в отношении мясных продуктов будут удовлетворены только на треть. То есть треть имеющейся у военных потребности не могла быть обеспечена вплоть до восстановления нормального железнодорожного сообщения с Западной Сибирью (районы уральского и алтайского животноводства), Восточной Сибирью (скот Бурятии, Монголии и Забайкалья), Дальним Востоком (рыба и грузы из Америки). Изъятие требуемого количества скота из сельского хозяйства Европейской России было невозможно, так как грозило надорвать его, а доставку из-за Урала не позволял транспорт. Следовательно, и без того небольшой мясной паёк (205 г) для солдат действующей армии как минимум на треть заменялся рыбой или пролонгировался введением мясопустных дней. В действительности, сокращение пайка было ещё большим, так как железные дороги не смогли доставить в окопы всего затребованного войсками продфуража.

Задача снабжения усугублялась тем, что армия не могла получать необходимого мясного пайка зимой 1916—1917 гг. ввиду объективного фактора суровых природных условий и нарастающей разрухи транспорта. Уже в конце 1916 г. представители МПС заявили о невозможности «систематического пропуска из Сибири ни одного вагона со скотом или мясом», а ведь потребность войск в жирах удовлетворялась по преимуществу сибирским маслом и салом. Бурное развитие маслоделия в Сибири в предвоенные годы позволило в 1913 г. вывезти только за границу 4,45 млн п. масла. Теперь же эти жиры не могли доставить до собственных войск, упавшая провозоспособность сибирской линии уже в 1916 г. заставила обратиться

на фронте к частичной замене животных жиров на поставки растительных масел [2, с. 7]. Ведь сливочного (или, как тогда писали, «коровьего») масла не хватало и на Дальнем Востоке. В декабре 1916 г. требовалось масла «для выдачи за деньги военнослужащим и их семьям»: Владивостокский магазин — 460 п., Никольско-Уссурийский — 340, Хабаровский — 450, Благовещенский — 180 п. Однако Отдел Заготовок министерства земледелия 2 января 1917 г. сообщил в Главное интендантское управление, что «произвести отправки масла в настоящее время не представляется возможным, ввиду крайнего недостатка масла для удовлетворения в полной мере нарядов Главного интендантского управления по отправке масла на фронты» [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1521. Л. 3, 50].

В то же время на самом Дальнем Востоке не хватало мясных продуктов. 15 июля 1916 г. приамурский генерал-губернатор запретил вывоз мяса и скота из Сахалинской области. Гондатти сообщал министру земледелия 23 июля: «В Приамурском крае, где сельскохозяйственный уклад ещё недостаточно окреп и собственного скотоводства не имеется, местный рынок обычно питался мясом, доставляемым сюда из Китая, Кореи и Монголии, причём из последней скот пригонялся транзитом через Забайкальскую область. В настоящее время, вследствие производящихся в Монголии заготовок скота для армии, получение скота через Забайкалье стало затруднительным». Сахалин же имеет немного своего скота, и недостаток скота в крае в связи с отливом для фронта грозит истощением мясных ресурсов острова. Отсюда и запрет вывоза — «ввиду значительной его отдалённости и трудности при современных условиях передвижения и доставки туда скота и необходимости обеспечить Сахалин мясом на весь год и наконец вследствие общего недостатка» [ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 17]. Дальний Восток получал мясо в основном из Кореи (200 тыс. п.) и Маньчжурии (100 тыс.) при потребности в 600 тыс. п. в год. В наилучшем положении находилась Иркутская губерния, получающая мясо от «Монголэкса», хотя это мясо давалось только потому, что Монгольская Экспедиция «не могла его своевременно вывезти, вследствие расстройств транспорта» [РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 2296. Л. 1—2, 7].

11 января 1917 г. окружной интендант Приамурского военного округа ген. Ф.П. Шелехов телеграфировал в Главное интендантское управление: «количество мяса, заготовленного экспедицией генерала Козлова в пределах Монголии и Маньчжурии, по условиям транспорта не может быть отправлено по назначению до наступления тёплого времени. Оставление же его на местах заготовок при неимении холодильников вызовет безусловную полную порчу мяса». Предложение — уступить мясо ведомствам, городам и управлениям Сибири, в том числе передать 45 тыс. п. во Владивостокский холодильник со станции Куаньченцзы, где находился сам П.К. Козлов. 14 января 1917 г. Главный интендант сообщал военному министру, что можно отправить это количество мяса во Владивостокский холодильник, поскольку у Козлова и так более 2 млн п. мороженого

мяса. Для этого нужно всего 2 маршрутных поезда по 40 вагонов каждый [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 1—2, 8]. Таким образом, основная масса сибирского и монгольского мяса скапливалась на станциях Транссибирской магистрали от Омска до Иркутска и Улан-Удэ, а с отправкой его не только на фронт, но и даже в Приамурье возникали проблемы.

После Февральской революции 1917 г. ситуация кардинально не изменилась, хотя закупки продовольствия в Монголии и Китае продолжались с неослабевающей энергией. На совещании в Харбине 13 июня 1917 г. было принято решение «производить закупку зерна безостановочно». Причина: «снабжение за последние годы зерном Сибири от Иркутска на восток с полной определённой убеждает, что обойтись без маньчжурского хлеба тут нельзя». А телеграмма коменданта станции Владивосток полковника Н.Н. Петренко от 5 июля 1917 г. военному министру и министру продовольствия гласила: «Согласно заявлению министра продовольствия о надвигающемся голоде и возможности гибели армии, не будет ли признано необходимым срочно приступить к скупке всех пищевых продуктов в Маньчжурии и продвижения их в Россию, пользуясь по возможности водными путями» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 32, 40]. К сожалению, вывезти эти продукты вряд ли было возможно. На Совещании в Ставке 12—13 августа 1917 г. представители Министерства продовольствия заявили, что по-прежнему не могут обеспечить армию положенным количеством мяса. Поэтому 5 сентября главный полевой интендант указал фронтам на необходимость активно расходовать рыбу в постные дни вместо мяса, так как «без соблюдения постных дней страна не может без ущерба для сельского хозяйства прокормить наши армии мясом». В весовом эквиваленте фунт рыбы выдавался вместо полуфунта мяса [РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 21. Д. 10. Л. 79 об.].

Для того чтобы всемерно сохранить отечественное скотоводство, к делу снабжения армии требовалось привлечь все рыбные ресурсы страны. Ещё до революции 1917 г. было принято решение закупить для продовольствия армии 95% всего улова рыбы на камчатских промыслах, так как большая часть дальневосточной рыбы (кеты и горбуши) до войны и вплоть до 1917 г. шла в Японию [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 525. Л. 40]. Однако к маю 1917 г. этот вопрос всё ещё оставался «невъясненным» «вследствие затруднений с перевозками грузов из Владивостока». Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанов и председатель Общества рыбопромышленников на Дальнем Востоке обратились к министру земледелия с просьбой подтвердить решение об этой закупке. Смысл в том, что, по данным МПС, во Владивостоке было «колоссальное скопление грузов превалирующего значения, непосредственно обуславливающих боевую готовность армии», поэтому Временный распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам считал невозможным обеспечить «специальную норму для вывоза из Владивостока рыбных продуктов». Объяснение министра земледелия по вопросу

о необходимости дальневосточной рыбы для довольствия армии было таким: «ввиду истощения запасов мяса и скота в стране, рыба приобретает в настоящее время чрезвычайно важное значение. В связи с увеличением в армии числа постных дней Главному интендантскому управлению требуется для довольствия войск до 30 млн пудов рыбы в год». До войны Россия ввозила свыше 20 млн п. сельди и трески, чего сейчас нет, и потому максимум, что можно дать — это 50% требования. «При таких условиях вопрос о доставке с Дальнего Востока рыбы приобретает чрезвычайно важное значение, тем более, что рыба эта является продуктом, вполне заменяющим по своим питательным качествам мясо, а кроме того с Дальнего Востока доставляются для армии рыбные консервы, производство коих весьма развито на Камчатке, что объясняется сравнительной лёгкостью получения там жести и машин из-за границы». В 1917 г. Министерство земледелия предполагало вывезти с Дальнего Востока 1,5 млн п. рыбы — 2 тыс. вагонов, из коих 1800 «не имеет иного пути для вывоза на фронт как Владивосток и Уссурийская и Китайская восточная железные дороги». Доставка рыбы во Владивосток должна начаться в сентябре, и потому Министерство земледелия решило сообщить Русанову, что оно всё-таки купит 1,5 млн п. рыбных продуктов [ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 55. Л. 73 а, 73 об.]. Хабаровскому уполномоченному по заготовке рыбы на Дальнем Востоке С.И. Парахину в 1917 г. было переведено 9 млн руб., и 7 октября Заготосель просил финансово-счётный отдел Министерства продовольствия перевести ему ещё 3 млн, так как Парахин рассчитывал создать производство рыбных консервов [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 205. Л. 8].

Ситуация несколько осложнялась взаиморасчётами российского и японского бизнеса. Осенью 1917 г. камчатское акционерное общество «Демби» заготовило 185 тыс. ящиков консервов для Японии и к началу октября уже большую часть — около 110 тыс. — из них отправило японцам. Причина — задолженность перед японскими и американскими фирмами, так как именно в Японии общество приобретало рыболовные орудия, пароходы для перевозки рыбы и нанимало рабочих для промыслов. Общество просило у Министерства торговли и промышленности кредит, чтобы рассчитаться с долгами и оставить консервы для России, но не получило его, так как правительство разрешило продать в Японию столько консервов, сколько хватило бы расплатиться по займам, и лишь остаток перевезти в Россию. Парахин выступил против данного решения, заявив, что в случае прецедента все промышленники станут вывозить рыбу в Японию для покрытия долгов, и тогда наряд для армии выполнить будет невозможно. Русанов согласился с Парахиным, и наконец 30 сентября это мнение было поддержано в центре [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 135. Л. 22—24, 43, 47—48].

Заготовка рыбы продвигалась столь тяжело, что в августе 1917 г. Министерство продовольствия даже разрешило лов рыбы в Байкале. В сентябре Иркутский, Читинский и Баргузинский продовольственные комитеты запретили этот лов, арестовав рыбопромышленников. После активной

переписки между центральными и местными организациями Отдел рыболовства и охоты Министерства земледелия чётко указал на то, что запрет лова омуля во время рунного хода — правильный шаг «с точки зрения рационального использования байкальских рыбных запасов». Возможное исключение — «с точки зрения чисто продовольственных задач и требований текущего момента», что и должно быть разъяснено Министерством продовольствия [РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 2306. Л. 31, 79].

В условиях общенационального кризиса 5 октября 1917 г. командующий войсками Приамурского военного округа сообщил военному министру о неуспехе заготовки продовольствия соответствующими комитетами Приамурского округа. К этому времени из интендантских запасов для населения уже было отпущено 650 тыс. п. муки и 90 тыс. п. овса, военные готовились дать ещё 100 тыс. п. муки — «что ослабило обеспечение войск округа до полугодовой потребности, между тем как по хозяйственным условиям края войска могут считаться обеспеченными от голода при наличии хлебных запасов в норме годовой потребности». Просьба — разрешить окружному интендантству самостоятельно заготовить хлеб в Маньчжурии. Тогда же, 21 октября 1917 г., Амурский областной продовольственный комитет просил Петроград дать валюту для закупки продовольствия в Маньчжурии в связи с ростом иностранной конкуренции [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 80, 85].

Всего в 4-м операционном году (1 июля 1917 — 1 июля 1918 г.) Министерство продовольствия предполагало заготовить для армии и населения за Уралом следующее количество рыбы: в Западной Сибири (до Байкала) — 50 тыс. п. сушёной рыбы, 200 тыс. солёной и 200 тыс. мороженой, итого — 450 тыс. п. На Дальнем Востоке через уполномоченного С.И. Парахина: солёной кеты и горбуши — 1,2 млн п. и 300 тыс. п. рыбных консервов. Итого — 1,5 млн п. Через «Монголэкс» в Монголии — 200 тыс. п. рыбы [РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 2306. Л. 51]. Октябрьский переворот поставил крест на этих планах.

Таким образом, в период Первой мировой войны, невзирая на наличие значительных запасов заготовленных за Уралом мясных, рыбных и прочих продуктов питания, доставить их до фронта удавалось с большим трудом, причём общая ситуация имела тенденцию к ухудшению: свою роль играло падение транспортных мощностей и развитие революционного процесса в 1917 г. Государство оказалось в нелёгкой ситуации: фронт требовал мясного пайка, и чем дальше, тем больше, а отечественное животноводство не имело объективных условий для удовлетворения данной потребности в годы затянувшегося мирового конфликта. С 1915 г. продовольственные органы переходят к поискам продуктов, заменяющих мясо по своим калорийным качествам, но ранее не входивших в рацион солдата. Так в действующую армию начинает поставляться рыба. Истощение ресурсов Европейской России побудило привлечь к поставкам мяса и рыбы для армии регионы Сибири и Дальнего Востока. Сибирский скот

и дальневосточная рыба могли стать существенным подспорьем в деле питания фронтовика, но транспортный фактор существенно снижал значение Зауралья. Более того — Дальний Восток также испытывал проблемы с продовольствием, которые, хотя и не вели к продовольственному кризису в стране в целом, однако усугубляли общую продовольственную ситуацию на окраинах Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Анфимов А.М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1996. М., 1996. С. 60—95.
2. Журнал Совещания в Ставке по вопросам снабжения армии 15—16 декабря 1916 г. Б.м., 1917.
3. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. 583 с.
4. Попов В.И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914—1918 гг. (по архивным материалам). М., 1942. 20 с.
5. Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008. 432 с.
6. Фабрика Ю.А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914—1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6.
7. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
8. ГАТО (Гос. арх. Тульской области).
9. РГВИА (Рос. гос. военно-исторический арх.).
10. РГИА (Рос. гос. ист. арх.).
11. РГАЭ (Рос. гос. арх. экон.).

REFERENCES

1. Anfimov A.M. *Novye sobstvenniki (iz itogov stolypinskoj agrarnoj reformy)* [New owners (the results of the Stolypin agrarian reform)]. *Krest'janovedenie. Teorija. Istoriya. Sovremennost'. Ezhegodnik 1996* [Peasant studies. Theory. History. Modernity 1996]. Moscow, 1996, pp. 60—95. (In Russ.)
2. *Zhurnal Soveshhanija v Stavke po voprosam snabzhenija armii 15—16 Dekabrja 1916 g.* [Annual Register of the Meeting in Stavka concerning supply of the army, December 15—16, 1916]. 1917. (In Russ.)
3. Naumov A.N. *Iz uceleвшih vospominanij, 1868—1917. Kniga 2* [Survived recollections, 1868—1917. Book 2]. New York, 1955, 583 p. (In Russ.)
4. Popov V.I. *Dovol'stvie mjasom russkoj armii v Pervuju mirovuju vojnu 1914—1918 gg. (po arhivnym materialam)* [Meat allowance by the Russian army during World War I 1914—1918 (following archive materials)]. Moscow, 1942, 20 p. (In Russ.)
5. *Rossija nakanune Pervoj mirovoj vojny (Statistiko-dokumental'nyj spravoch-nik)* [Russia on the eve of World War I (Statistical documentary handbook)]. Moscow, 2008, 432 p. (In Russ.)
6. Fabrika Ju.A. *Novonikolaevsk i ego zhiteli v Pervoj mirovoj vojne 1914—1918 gg.* [Novonikolaevsk and its inhabitants during World War I 1914—1918]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2010, no. 6. (In Russ.)